

“Я не думаю, что у кого-то есть сомнения в том, что Япония изменилась из-за правления террора Вдохновителя”. Телеканал пригласил на день другого репортера, чтобы тот сыграл адвоката дьявола. Судя по надписи, которая появлялась внизу экрана каждые пару минут, ее звали, по-видимому, Хина Ю. “Вам не нужно смотреть дальше самой последней статистики активности злодеев, которая, несомненно, показывает, что уровень преступности неуклонно растет с тех пор, как Вдохновитель начал систематически убивать героев”.

“Но помните, что корреляция не доказывает причинно-следственную связь”. Главный репортер телеканала Дайкаку Мияги возразил. “Уровень преступности растет и падает точно так же, как фондовый рынок, поэтому есть вероятность, что это просто естественный всплеск, а не результат влияния Вдохновителя”.

“Хотя теоретически это верно”, - признала Ю, “никто, включая тебя, Мияги, даже не подумал бы об этом до того, как выяснилось, что Вдохновитель не имеет причуды. Есть много граждан, включая меня, которые начинают задаваться вопросом, не слишком ли далеко заходят ответственные люди, пытаясь оправдать влияние того, кто должен был быть без причудным”

“Какие люди?” Мияги спорил. “Комиссия ушла, и у законодателей не так много полномочий, чтобы вносить изменения, ни одно из которых не будет заметно в течение следующих нескольких недель”.

“И чья это вина?” Ю указала. “Если бы не Проклятый Трон Первого Места в списке, прямой результат действий Вдохновителя, комиссия все еще была бы главной и покрывала бы их коррупцию. Признайте это, это вина Вдохновителя в том, что законодатели сейчас замешкались”.

“А так же присвоение нового прозвища героям номер один среди народа стало имя Проклятый Трон”. Мияги продолжал говорить. “Падение трех героев номер один подряд было трагичным, да, но можно ли это действительно назвать феноменом, если все трое не были связаны? Смерть Всемогущего была неожиданной, и я признаю, что Вдохновитель, возможно, и повернул нож, но он не смог бы получить доступ к ЮЭЙ без посторонней помощи. Падение Старателя было скорее результатом его собственного злоупотребления, чем чего-либо еще, а предательство Ястреба произошло из-за комиссии, а не Вдохновителя. Даже падение самой комиссии произошло из-за лиги злодеев, так можем ли мы действительно сказать, что Вдохновитель виноват в том, что общество находится там, где оно есть сейчас?”

“Лига Злодеев и Вдохновитель всегда были в хороших отношениях, поэтому вы не можете полностью отличить, где заканчивается влияние одного и начинается другого”. Сказала Ю. “Так что да, лига определенно оставила свой след в Японии, но то же самое сделал и Символ свободы”.

Мияги громко застонал: “Только не это прозвище снова!”

Инко знала, что ей не следует это смотреть. Это был просто еще один способ мучить себя и напоминать себе обо всех ее неудачах как матери теперь, когда группы ненависти и протестующие, наконец, перестали собираться у ее дома. Тем не менее, она заслужила то, что о ней говорили. Это был ее сын, о котором они говорили и спорили. Если бы она просто была лучшей матерью или больше поощряла его ...?

Желание извиниться было настолько сильным, что в некоторые дни она даже не могла думать ни о чем другом. Она не знала, за что именно хотела извиниться, просто ей нужно было

сделать это, как воздух. Может быть, она пыталась извиниться за то, что была плохой матерью и позволила своему сыну стать злодеем? Или, может быть, она хотела извиниться за то, что позволила ему попасться ... или за то, что недостаточно сделала, чтобы его поймать?

Больше всего на свете она хотела извиниться перед семьями его жертв и помочь им хотя бы немного успокоиться. Она знала, что если бы ей пришлось выступить перед кучей репортеров или даже дать интервью, это прозвучало бы просто дешево и манипулятивно, особенно потому, что ее сын был искусным манипулятором, но ... ну, Инко чувствовала, что кто-то должен был это сделать, а поскольку Изуку явно не собирался, то ей просто пришлось бы сделать это за него.

Она собрала тарелку с печеньем, которое испекла, прежде чем, наконец, схватить пульт и выключить новости. Они, вероятно, не приняли бы их, но ... ну, это была мысль, которая имела значение.

Мицуки знала, что должна позвонить Инко, но что она должна была сказать?

Эй, Инко, прости, что мой сопляк годами издевался над твоим ребенком и косвенно подтолкнул его к убийству сотен людей! Хочешь поделиться рецептами запеканок?

Да, потому что это прошло бы очень хорошо.

Кацуки ... Честно говоря, Мицуки не знала, что с ним делать. Он замыкался в себе с тех пор, как арестовали Изуку, что, как бы отвратительно это ни звучало, было почти облегчением. Он проводил большую часть своего времени в своей комнате, но тогда, по крайней мере, Мицуки не приходилось гадать, что ему сказать, или иметь дело с гнетущей атмосферой разочарования, которая почти душила ее каждый раз, когда Масару и Кацуки находились в комнате вместе. Очевидно, она могла понять, поскольку они не воспитывали своего сына хулиганом, но Масару даже не пытался скрыть это. Он всегда тихо проявлял недовольство, что было каким-то образом даже более эффективно, чем крики самой Мицуки, поэтому, хотя он не сказал Катуки ни слова с тех пор, как все произошло, было все еще болезненно очевидно, что он чувствовал по поводу того, что сделал их сын.

Она вздрогнула, услышав, как хлопнула дверь в комнату Кацуки, и секундой позже он топал вниз по лестнице, глядя на мир так, словно это лично оскорбило его, а не наоборот. Мицуки глубоко вздохнул и попытался игнорировать неловкость, когда вошел на кухню: "Эй, сопляк, что ты хочешь на завтрак? Я могу приготовить нам что-нибудь, прежде чем ты отправишься в школу."

"Хватит пытаться быть милой старой карга!" - прорычал Кацуки. "Я знаю, что ты ненавидишь меня так же сильно, как и старик, но, по крайней мере, он не пытается это скрывать".

Мицуки растаяла: "Катуки..."

"Я только возьму немного тостов, а потом избавлюсь от твоих дурацких хлопот". - проворчал Кацуки, яростно запихивая хлеб в тостер. Это были долгие несколько минут тишины, пока это не всплыло, и Кацуки практически выбежал за дверь, даже не попрощавшись, прежде чем захлопнуть за собой дверь. Мицуки хотел затащить его обратно в дом и вбить ему в голову, что они не ненавидят его, что они все еще его родители и все еще любят его...

Но была ли она действительно уверена?

Магне подождала, пока Шигараки достигнет точки сохранения, прежде чем встать перед телевизором: “Эй, Шигги, могу я с тобой кое о чем поговорить?”

(P.s Магне в оф.источниках является девушкой , так что это не опечатка!)

Шигараки долго смотрел на нее, прежде чем вздохнуть и положить свой контроллер на кофейный столик: “Валяй”.

Магне глубоко вздохнула и попыталась игнорировать то, что другие члены лиги явно подслушивали, пытаясь притвориться, что это не так. Она не думала , что они осудят ее решение, но ... ну, иногда было естественно чувствовать себя неуверенно, особенно в таких важных вещах, как это, когда она нуждалась в их поддержке.

“В последнее время произошло много изменений”. Магне начала.

Шигараки кивнул: “Да, похоже, что все те NPC, о которых говорят в новостях. Это плохо?”

“Конечно, нет”. Магне покачала головой. “Но я думал о ... ну, я думал о детях”.

“Эй! Мы не просто дети!” Крикнула Шото с другого конца комнаты, показывая тот факт, что да, все слушали. “Только потому, что мы на несколько лет моложе, не означает, что мы менее способны ...”

Даби зажал сестре рот рукой и кивнул Магне, чтобы та продолжала: “Прости мою младшую сестру. Заткнись, Шото, взрослые разговаривают...Тьфу! Ты серьезно только что лизнула меня?!”

Шото показала язык, когда Даби лихорадочно вытер руку о куртку Ястреба , который с отвращением сморщил нос, пытаясь удержать руку вне досягаемости куртки: “Все! Прекратите борьбу и дайте высказаться старшей сестрице Магне!”

“То, что сказала птица, правда”. Шигараки скривился. “Ну и что?”

“Я говорил не о Шото”. Магне сказала. “За ним присматривает Даби. Меня больше беспокоят все дети, которые растут и не знают, к кому обратиться. Многих из них всегда учили, что герои всегда правы, потому что так оно и было...ну что ж, герои. Мы, очевидно, знаем, что это неправда, но для многих из них это первый раз, когда им приходится столкнуться с этим фактом. Они разрываются между картинкой идеального общества, о котором их учили, и уродливой правдой, которую мы раскопали, и многие из этих детей не знают, куда они падают”.

На долгое мгновение воцарилась тишина, пока все это обдумывали. Магне знала, что они поняли. В конце концов, это были те же самые ужасные истины, которые привели их к вступлению в лигу злодеев. Каждому из них пришлось столкнуться с тем фактом, что общество лгало и не нашло для них места. Именно поэтому они сейчас создавали для себя это место, чего бы это ни стоило.

Шигараки сложил руки домиком перед собой, задумчиво глядя на нее: “Что ты предлагаешь?”

“Я знаю, мы все хотели, чтобы у нас была какая-то поддержка, когда мы были моложе”. Магне сказала. “Я хочу дать им это. Я бы хотел начать что-то вроде...почти как группа поддержки, где дети могли бы собраться вместе, и мы не будем ничего от них скрывать. Мы расскажем им правду о мире таким, какой он есть, и позволим им решать, что с этим делать. Я хочу быть для них старшей сестрой, точно так же, как я для лиги, и помогать им, понимаешь? Пусть они знают, что они не одиноки ”.

“Звучит почти так, как будто вы планируете вербовать следующее поколение”. Сказал Компресс . “Идеологическая обработка молодежи”.

Магне пожала плечами: “Мы не собираемся никого заставлять вступать, но если ребенок самостоятельно решает, что общество должно измениться, и знает, кем он хочет быть, мы действительно собираемся прогнать его?”

Она затаила дыхание и могла сказать, что остальная часть лиги делала то же самое, ожидая, пока Шигараки закончит думать. Наконец, он вздохнул и взял свой контроллер, уже приостанавливая игру: “Вы можете использовать один из складов, чтобы давать уроки новичкам. Просто помните, что враги видят в нас сражающихся с боссами, а не персонажей-наставников, так что это должна быть скрытная миссия. Не попадайся.”

Как и ожидалось, охранники снаружи заведения заставили ее выбросить печенье, прежде чем впустить ее внутрь, так что Инко шла с пустыми руками к номеру комнаты, который ей сообщила секретарша. Она не думала, что когда-нибудь привыкнет к тому, как совершенно незнакомые люди смотрят на нее, или к подозрению в их глазах, но, по крайней мере, такие люди, как администратор и люди в поезде.

Она отчаянно хотела спрятаться, но Инко заставила себя высоко держать голову и продолжать идти, пока не нашла комнату, которую искала. Она колебалась. Действительно ли она имела право быть здесь? Как бы другая мать восприняла ее извинения, особенно когда ее сын явно не сожалел о том, что он сделал? Может быть, ей стоит просто развернуться и пойти домой...

Она покачала головой и заставила себя постучать, несмотря на свое беспокойство. Желание извиниться могло быть просто проявлением ее вины, но оно не пройдет, если она ничего не сделает. Несмотря на это, Инко наполовину надеялся, что ответа не будет, и был разочарован, когда изнутри раздался тихий голос.

“Войдите!”

Инко сделала еще один глубокий вдох и толкнула дверь, ее взгляд сразу упал на женщину, сидящую на кровати и смотрящую в окно, она подняла глаза, только когда Инко начала говорить: “Эм, Рей Тодороки? Меня зовут Инко Мидория. Я знаю, что уже слишком поздно, но...Я хотела бы извиниться за то, что мой сын сделал с вашей дочерью Шото.”

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод